

Собеседник. - 1991 - июль (№ 28) - с. 12

Константин Райкин — явление настолько неоднозначное, что, беседуя с ним или о нем, автор поневоле чувствует некое раздвоение. Обе авторские ипостаси — назовем их условно А (Автор) и Б (Быков) — восхищаются Райкиным: А — несколько пугливо и осторожно, Б — как безоговорочный союзник. Райкин, напротив, выглядит на редкость цельно, но по ходу разговора множится и все время бежит по комнате...

Б. Неправда, он с кресла не вставал. А. Но было ощущение, что он бежит. Секунду, я тут записал (достает бумажку): «Константин Райкин — вообще мастер гротеска, трагикомедии, его игра часто на грани клоунады»... Б. (перебивая). «Константин Райкин — мощный трагический артист романтического плана. Он играл Гамлета, Лоренца, что, об этих ролях можно всю жизнь мечтать и не доематься»... А. Райкин возглавляет «Сатирикон», который в последние годы существовал довольно тихо, не вызывая ни критических, ни зрительских восторгов... Б. (перебивая)...пока в сезоне 1990/91-го не выдал два самые мощные театральные сенсации Москвы: «Там же, тогда же» в постановке Леонида Трушкина (это сделал Театр Антона Чехова, приглашенный «Сатириконом» под крышу) и «Служанки» в постановке Виктора.

Б. ...что они поклялись каждый год в этот же день встречаться в той же гостинице. И встречаются 25 лет, пока он, старенький, седенький, не делает ей предложение. Чем такая история может шандарахнуть? Райкин. И, однако, в самое нетеатральное время (весна — лето, экзамены — огороды) публика едет в самое нетеатральное место (Марьино роу) и до отката забывает наш зал. И это понятно. Сейчас может иметь бешеный успех простая вещь про жизнь. Про любовь с некоторым даже мелодрамматизмом, но сделанная так, чтобы это било по башке. В отношениях мужчины и женщины, кстати, вообще не может быть стабильности. Это, по Солженицыну, как велосипед: пока он едет, он устойчив. Остановился — крышка. У нас не случайно так эпиграф на программке: счастье — не станция назначения, а способ путешествия.

ные — это та ось, по которой человек разлезаются почти всегда. Только Бог его от этого сдерживает. И маленьким людям затравленная ненависть ох как присуща — тот же Чаплин, кстати, почти не меняя внешности, сыграл «Мсье Верду» — это где он из маленького человека вырастает в маньяка, грабителя, — и все-таки нет, знаете! Глядя вокруг, я с вами соглашусь: социально униженный, «маленький» тип — самый взрывоопасный. Он все это и устроил (изображает все это). Но я Акакия Акакиевича люблю. И Чаплина люблю. Бывает же такой маленький человек, как в «Огнях большого города» — добрый, нежный, в чем-то жалкий, разумеется, а в чем-то совершенно победительный, — он в конечном итоге всегда побеждает, ничего для этого не делая. Я не знаю, как это доказать, но клянусь вам, это бывает, бывает Чаплин, бывает мой герой из «Там же, тогда же» — другое дело, что они, строго говоря, не «маленькие». Они плохо заметные большие. Хотя неудачников я очень не люблю. Они, во-первых, ноют. Во-вторых, злобятся. От них вся злоба на земле.

А. Вы говорили об энергии. Кто из наших политиков, на ваш взгляд, обладает такой

САТИРИК он

ОПЫТ РАЗДВОЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

С УЧАСТИЕМ
КОНСТАНТИНА РАЙКИНА

Фото
Валерия
Плотникова.

А. Вы атакуете зрителя любовью, когда мало кто кого любит...

Райкин. Я, кстати, не замечаю, чтобы уж так никто никого и не любил. Да, жестокость и агрессия колоссальные, но это как-то не затрагивает меня. Друг у меня вообще один. Мне больше и не надо. Жена, дочь — это мой дом. А кризис в театре... нет, у нас пока присутствует желание что-то сделать вместе. Чудесный ленинградский режиссер Акимов совершенно правильно сказал: на глазах врага творить невозможно. Я что, тиран, вождь? Авторитарно руковожу театром? Да со мной здесь все на ты: Костя, Котя... Я тут реально самый опытный артист. И только. Я сам делаю все, что мне нужно от других. Я самый послушный актер, мечта режиссера: если он не полный идиот — я любое указание выполняю. Мне вообще больше нравится быть ведомым — как и всем, кстати. А мое требование к актеру одно: энергия.

А. Это чтобы прыгал?

Райкин. Да нет же. Это такая профессиональная черта, сродни обаянию: надо сделать так, чтобы на тебя смотрели. Привлечь внимание зала, прыгнуть на 2,40. А прыгнуть на 2,40 без подготовки нельзя: это надо быть профессионалом. Можно удерживать внимание зала, сидя неподвижно в углу сцены, но тут необходима своя энергетика. Пришло время страшно энергичного театра. Если для этого надо будет рыдать, рвать на себе волосы на сцене — я буду их рвать; потребуются ходить на руках — я пойду на руках, у меня и моноспектакль называется «Давай, артист!»

А. Это для вас не унижительно? Я понимаю весь идиотизм вопроса, но имеется в виду...

Райкин. Я понял, понял. Нет. Тогда, выходит, клоуну вообще стыдно глаза поднять — его искусство иногда заключается в том, чтобы получать под зад. Для меня унижительно только одно состояние: если я чувствую, что меня не надо, а я есть. Я этого боюсь больше всего, мне и сны такие снятся. Когда я на сцене, а зрителю меня не хочется, ему скучно, я не держу его, энергия моя его не прошибает — вот тут унижение. Зритель должен рот открыть и белой завистью завидовать: я так не умею-ею! Я только не переносю, когда этот зритель (знаете, есть такое жлобье) рассматривает меня как свое имущество. Я всегда даю автографы в большом количестве и с радостью, но если ко мне вот так подходят и вот так вот говорят: «Ну ты, дай автограф-то!» — я тресну, но не дам. Вот жлобье меня жутко бесит: я еду в лифте с двумя, один другому говорит: «Гы! Гляди, Райкин!» А я рядом стою. Я что, носорог ему, что ли, который не понимает по-русски? (Изображает носорога, который не понимает по-русски.) И вот еще две вещи ненавижу: рабство и хамство, две стороны одной медали. И то, и другое — отсутствие собственного достоинства. А у артиста как раз это достоинство всегда есть: Чаплин (показывает на портрет) гениально получает подзатыльники. К-к-как он их получает!..

Б. Можно серьезный вопрос? Вот — Чаплин. И он, и Аркадий Исаакович, всю жизнь играли маленького человека. И вы в «Там же, тогда же» играете его. А вот я ненавижу маленького человека. Потому что, дорвавшись до власти, он становится безжалостным, что мы и видели. Мы всю жизнь жалели Акакия Акакиевича и забываем, что в качестве призрака он снимал шинели и пугал весь город. Вам это как?

Райкин (в задумчивости). У... какой вопрос... Да, я об этом думал. Моя лучшая работа — «Записки из подполья», моноспектакль по Достоевскому. Подпольный тип: бешеное самолюбие как реакция на унижение. Самолюбие во времена безбож-

энергетикой, чтобы на него хотелось смотреть?

Б. (хихикая) Жириновский...

Райкин. Да ну вас, Жириновский! Это оперетта. Я, конечно, понимаю, что Гитлер так же начинал, но к нашему народу я хорошо отношусь. Чем смотреть такого артиста, он лучше в театр пойдет. А насчет остальных... Нет, никого не назвал бы. Я не то что голодаю, но испытываю отвращение к пище, которую ем. Это можно распространить практически на всю мою здешнюю жизнь. Другое дело, что в этой абсурдной, полубредовой пьесе, которую мы все здесь играем — я все-таки нужен: для меня написана роль «Костя Райкин». Я говорю — все молчат. Больше так нигде не будет.

Актерская среда на самом деле характеризуется двумя признаками. Когда тебе плохо, трудно — она добра до самопожертвования, до невероятного великодушия. Но она не прощает успеха — никому. Никакого. Вот Таганка: для множества ее актеров в семидесятые годы было признаком хорошего тона ругать Юрия Петровича. И сейчас, когда следовало бы им совсем от этого отказаться — это стало расхожим, — ничего подобного! Кстати, Высоцкий там пел новые вещи не любил, он ходил в «Современник», а на Таганке на него смотрели совсем не любящими глазами...

А. Несколько личных вопросов. Как на вашу судьбу повлияла слава отца?

Райкин. Я никогда не собирался в артисты. Я в десятом классе в зоопарке работал, мне хотелось биологом быть, но, как выяснилось, звери меня тоже интересовали скорее с эстетической стороны — как они двигаются, как они законченны, хороши... Я просто бежал от актерской профессии, потому что знал: фамилия! Я не представлял, как ей соответствовать. Однажды приходит какая-то приморская журналистка с магнитофоном уже сюда, в «Сатирикон»: «Вас хотят услышать тихоокеанские моряки (изображает моряков), вы нас интересуете прежде всего как сын своего отца»... Я довольно печально и сердито сказал, что вот, к сожалению, должен их огорчить — я совсем другое дело, мы с отцом величины несопоставимы... Она, выключая запись: у вас что, настроение плохое? Я: да... Она: надо поборей, повеселей. Ведь вы действительно сын своего отца, что ж тут — против правды-то... Я говорю: хотите правду? На вас абсолютно идиотские серги. Вы и так-то не красавица, а серги эти вас совсем портят, достаточно! Теперь у нас обоих плохое настроение, поехали...

А. И вас можно так вывести из себя? Б. Я думал, вы только сами себя заводите...

Райкин. Ну что вы! Еще как можно. Не дай Бог.

А. А вообще — нужно человеку умение дать в морду?

Райкин. Знаете... боюсь, что да. Но здесь же, сейчас же, в этом времени и в этой стране важно уметь поразить человека не ударом в морду, а добром — такой парадокс. Он тогда будет стоять с открытым ртом и медленно осознавать, что жизнь возможна.

А. и Б. синхронно изображают такого зрителя, после чего сливаются, благодарят и уходят жить дальше.

Дмитрий Быков.

К У М И Р Ы

364

364